

1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

УДК 808.1:821.161.1

ВЕКТОР ТВОРЧЕСКИХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ А. Н. ТОЛСТОГО ПЕРИОДА РЕ-ЭМИГРАЦИИ

Баранская Е. М.

*ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова»,
Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
E-mail: eleni313@mail.ru*

Исследуется своеобразие художественной картины мира А. Н. Толстого периода ре-эмиграции. Предпринимается попытка проследить природу литературных экспериментов А. Н. Толстого 1920-х – 1930-х гг., органично вписавшихся в историко-культурную ситуацию создания нового искусства Советской России. Внимание акцентируется на процессе деконструкции системы повествовательных жанров и литературного языка, свойственных дореволюционному периоду классической русской литературы. Поднимается вопрос переосмысления А. Н. Толстым мемуарно-биографических жанров (цикл о русской эмиграции), которые получают горько-сатирическую окраску. В творческих поисках А. Н. Толстого определяющим становится экзистенциальное осмысление современности в условиях пограничного существования в 1920-е гг. между русским зарубежьем и Советской Россией; установка на творческое вживание в советское общество и активное выстраивание новой культуры России.

Ключевые слова: А. Н. Толстой, русское зарубежье, Советская Россия, эмиграция, ре-эмиграция, творческие новации.

ВВЕДЕНИЕ

В XXI в. исследовательский интерес к литературному наследию А. Н. Толстого не ослабевает. В современных условиях, когда России приходится противостоять русофобской политике Западного мира, идеологический вектор «Великороссии», заявленный писателем сто лет назад, определяет **актуальность** исследований, посвященных А. Н. Толстому. С начала XXI в. появляется ряд биографических работ с «установкой на подлинность», как заявил в интервью «Российской газете» 31 октября 2007 г. финалист литературной премии «Большая книга» А. Н. Варламов, автор книги «Алексей Толстой» (2006), вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей». Именно «природная русская сила, напор» Толстого, воспринимаемые как «свидетельство неуничтожимости, физического бессмертия нашего народа» [7], в значительной степени обусловили интерес к его личности А. Н. Варламова.

Оригинальный талант А. Н. Толстого обращал на себя пристальное внимание современников: А. К. Воронского, П. Н. Медведева, К. И. Чуковского и др. В советскую эпоху творческий путь писателя анализировали С. Г. Боровиков, И. И. Векслер, В. А. Западов, Ю. А. Крестинский, А. М. Крюкова, М. Б. Чарный, В. Р. Щербина и др. В современном литературоведении обращают на себя внимание труды Ю. М. Окланского, Б. М. Сарнова. Е. Д. Толстая воссоздает многомерный облик своего деда в монографических работах и статьях. Жизнетворчество

А. Н. Толстого изучают П. А. Бороздина, В. В. Петелин. А. Н. Толстому посвящены многие диссертации недавних лет – работы Н. Н. Иванова (2000), Е. П. Лыновой (2005), В. М. Сахаровой (2008), А. В. Федоровой (2004), Х. И. Халил (2009), В. В. Чекушина (2021) и др.

Уже в начале XX в. критика разделила творчество А. Н. Толстого на «до» и «после»: революция, период эмиграции и ре-эмиграция, литература Советской России. Положение А. Н. Толстого в эмиграции (с апреля 1919 г. по июль 1923 г.) амбивалентно. Безусловно, он был видной фигурой в культурной среде русского зарубежья; представлял старшее поколение русской литературы в эмиграции и воспринимался продолжателем русской классической литературы. Толстой вел активную издательскую деятельность, состоял членом разных обществ (например, Союза русских литераторов и журналистов под председательством П. Н. Милюкова, причастен к работе Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции). При этом некоторые житейски-поведенческие привычки (тяга к комфорту, роскоши, внешнему лоску) порою вызывали настороженное отношение к нему со стороны даже ближайших знакомых: Б. К. Зайцева, И. А. Бунина и др. Но главная причина разногласий Толстого со значительной частью эмигрантов, конечно, не в этом. «Пропасть» начала образовываться, когда Толстой предпринял шаги в сторону сменовеховства: с весны 1922 г. он сотрудничает с редакцией газеты «Накануне». Сменовеховцы призывали к сотрудничеству с советской властью для хозяйственно-экономического возрождения России. По мере укрепления связей с Советской Россией А. Н. Толстой – все более изолированная фигура в русском зарубежье; с 1 августа 1923 г. – он в числе ре-эмигрантов (возвращенцев).

Художественный мир писателя 1920-х гг. несет печать экзистенциального кризиса. Свидетельством тому является необычайная жанровая разнородность произведений, их авантюрно-фантастические миры и памфлетно-сатирический характер исполнения. **Цель** настоящей статьи – выявить экзистенциальную природу творческих экспериментов А. Н. Толстого 1920-х – 1930-х гг.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

«Алексей Толстой только одним боком принадлежит зарубежной литературе <...>» [16, с. 82], – характеризовал отношения А. Н. Толстого с русской эмиграцией Г. П. Струве, будучи, однако, весьма невысокого мнения о литературном таланте писателя. «Безвкусице Толстого и его неуважение к исторической правде особенно сказалось в некоторых вещах, написанных им позднее в Советской России» [16, с. 82], – утверждал Струве. Прежде всего, имелся ввиду «авантюрный» роман из жизни эмиграции «Черное золото» (первоначально – «Эмигранты»), где «выведены в весьма непривлекательном виде многие эмигранты, в том числе те капиталисты, от которых Толстой получал деньги» [16, с. 82–83], а также роман «Хлеб», «написанный для прославления Сталина и закрепления сталинской легенды» [16, с. 83]. «Фантастический роман о полете на Марс с прибавлением злободневно-политического элемента» «Аэлита» и «Рукопись, найденную среди мусора под кроватью», принадлежащие эмигрантскому периоду, критик отнес к «советской литературе», поскольку написаны они «после того, как Толстой сменил вехи»

[16, с. 84]. Более благосклонно Г. П. Струве отнесся к вышедшей уже в Советской России повести из эмигрантской жизни «Приключения Невзорова, или Ибикус», поскольку в ней «эмигрантское дно» изображалось «без особенного политического умысла», а стилистически повесть напоминала произведения Ильфа и Петрова [16, с. 84].

Упрекать А. Н. Толстого в приспособленчестве (распространенное среди эмигрантов мнение) вряд ли правомерно. Острая реакция русской эмиграции на шаги писателя навстречу Советской России понятна, она продиктована болью утрат. Но ненависть к большевистской власти пережил и Толстой. Сдерживаемое отчаяние «Открытого письма Н. В. Чайковскому» (Берлин, 1922) отражает мучительный путь А. Н. Толстого к решению жить судьбой Родины на ее географической территории: «Я представляю из себя натуральный тип русского эмигранта, то есть человека, проделавшего весь скорбный путь хождения по мукам. <...> Я ненавидел большевиков физически. Я считал их разорителями русского государства, причиной всех бед» [20, т. 10, с. 46]. Еще в 1917 г. А. Н. Толстой верил, что народ вскоре свергнет власть «трехдюймовых» [21, с. 260–263], власть большевиков (статья «Власть трехдюймовых», газета «Луч правды», 1917). При этом революция для него – «всегда огонь»: «Она всегда видоизменяет качественно нацию во всей сложности ее духа» [21, с. 258] (статья «На костре», газ. «Луч правды», 1917). Отсюда и переосмысление миропорядка перед возвращением в Россию: «То, что в России, – несовершенно. Но именно в русской революции загорелась полоса новой зари» [20, т. 10, с. 75]. О политической жизни в Советской России А. Н. Толстой не высказывается категорично; для него важнее преодоление смерти, мир и «народная мудрость», «чаяния народа»: «<...> Форма государственной власти в России должна теперь, после четырех лет революции, – вырасти из земли, из самого корня, создаться путем эмпирическим, опытным <...>» [20, т. 10, с. 50].

В условиях ухода в небытие старой России, туманной будущности русского на чужой почве эмиграции обретение своего места в новом изменившемся мире требует выстраивания собственной модели поведения на твердой основе – на русской почве: «<...> Эмиграции – пора домой» [20, т. 10, с. 50], – пишет А. Н. Толстой в апреле 1922 г., обращаясь к К. И. Чуковскому [20, т. 10, с. 474]. И еще: «<...> В эмиграции была собачья тоска <...>. Не знаю – чувствуете ли вы с такой пронзительной остротой, что такое родина, свое солнце над крышей? <...> Пускай наша крыша убогая, но под ней мы живы» [20, т. 10, с. 50].

Учитывая очевидное отторжение чужой земли, единственный выход для Толстого – возвращение на Родину и принятие ее нового облика. Но в 1922 г. трагические воспоминания еще слишком живы. Попытка совместить ужас недавнего прошлого с осознанием ведущей роли России в новом послевоенном мире требовала принципиально нового взгляда: «Я чувствую, как Россия уже преодолела смерть. Действительно – смертию смерть поправ. Если есть в истории Разум, а я верю, что он есть, то все происшедшее в России совершено для спасения мира от безумия сознания смерти» [20, т. 10, с. 51].

Смерть ассоциировалась с недавним прошлым России. Отнюдь не случаен «Символ смерти, или говорящий череп Ибикус» [20, т. 3, с. 451], появившийся в

творческой коллекции фантастических образов-символов А. Н. Толстого в повести «Похождения Невзорова, или Ибикус» (1924–1925). А в наброске плана большого произведения о белой эмиграции, составленном еще до работы над «Похождениями Невзорова», есть наброски содержания будущей повести: «Вот вам история небольшой, но чрезвычайно сложной человеческой ячейки, расплывшейся по Европе» [20, т. 3, с. 602]. По свидетельству самого Толстого [19, т. 1, с. 59], повесть составляет ядро цикла произведений о белой эмиграции. В него входят произведения как периода эмиграции («В Париже» (<1921>), «На острове Халки» (1922), «Рукопись, найденная под кроватью» (1923), «Черная пятница» (1924), так и позднейшая повесть «Эмигранты» (1931).

Но и покидая Родину, русские эмигранты несли с собой идею смерти вне родных пенатов. В. Ходасевич подводил итоги: «Судьба русских писателей – гибнуть. Гибель подстерегает их и на той чужбине, где мечтали они укрыться от гибели» [23, с. 224]. Толстой, как, впрочем, и многие из ре-эмигрантов (Андрей Белый, И. Я. Билибин, А. И. Куприн, М. Горький, С. С. Прокофьев, Д. Святополк-Мирский, С. Я. Эфрон, И. Эренбург и др.), пронзительно ощущал вероятностный трагический исход эмиграции, которая для него стала изгнанием. Отсюда – переосмысление своего статуса и будущности в ориентации на Россию. (Не будем забывать и череду личных и социальных неурядиц, преследующих писателя на чужбине [17; 18]). Отсюда и воззвание к эмигрантам «ехать в Россию и хоть гвоздик свой собственный, – но вколотить в истрепанный бурями русский корабль» [20, т. 10, с. 49].

Обновленная Родина, безусловно, велика, за ней большое будущее: «<...> В жизни Европы решающую роль должна сыграть Россия. Оттуда, из России, должно подуть спасительным забвением смерти» [20, т. 10, с. 51]. Но Россия будущего еще не обрела очевидные очертания, потому облекается в фантастические образы. Толстой переживает мучительный период существования на грани двух миров: с одной стороны – русская дворянская культура, лишенная дома, родной «крыши», с другой – «голодное, вшивое» существование 150 миллионов населения Советской России, которое не желает «собственной смерти и гибели» [20, т. 10, с. 47] и упрямо идет к процветанию через грязь. Накануне отъезда он поясняет свой поступок близким ему за рубежом людям: «Я уезжаю с семьей на родину, навсегда. <...> Я еду на радость? О нет: России предстоят не легкие времена» [20, т. 10, с. 73]. Он возвращается, желая вместе с Родиной приблизить грядущие времена процветания русского государства. А. Н. Толстой парадоксальным образом сводит воедино трагизм нынешнего с романтическими мечтами об идеальном обществе. Мечты наполняют искусство, единственно способное спасти человека в мире хаоса, и собственно русскую литературу, которой суждено повести за собой литературу старого мира: «У русского искусства мало соперников. К нему тянутся, как к источнику живой воды <...>. Искусство романское на закате <...>. Жизнь стала обширнее и глубже романского сознания» [20, т. 10, с. 52].

Отсюда – наполняющие творчество А. Н. Толстого миры мечтателей и фантастов («Аэлита» (1923), «Гиперболоид инженера Гарина» (1926)); авантюристов, лавирующих на грани сознания и безумия («Союз пяти» (1924), «Похождения Невзорова, или Ибикус» (1924)); мир исторических фантазмагорий, обволакивающий

смятенных духом людей («Наваждение» (1919), «Мираж» (1924)); мир машин и людей, естественного живого и искусственного механического («Бунт машин» (1924)). Герой «Ибикуса», бухгалтер Семен Иванович – мечтатель; Лось и Гусев в «Аэлите» – фантасты; диктатор Морей в «Бунте машин» (жажда властвовать миром с помощью машин), инженер Игнатий Руф в «Союзе пяти» (та же жажда мирового владычества посредством взрыва луны) – властители и хозяева Земли. Все они одержимы фантазиями и желаниями. Характеризуя «мечтателей и фантастов» А. Н. Толстого, А. К. Воронский подчеркивал их нежизнеспособность при соприкосновении с реальным миром: «Они живут обманным. Одни из них верят в чудесное <...>, у других надежды более житейские, но и те и другие одержимы мечтательностью» [6, с. 133]. В художественном мире Толстого главенствуют «мечты, идеи, фантазии». Действительность же у Толстого пошлая, ничтожная, грубая, похожа на «паучье гнездо» в подземном лабиринте («Аэлита»); является «как жадное, омерзительное чудище», тогда возникает «кавардак, чепуха, дичь, чертовщина <...> – и в этой бессмыслице и пошлостях, как в паутине, запутываются несчастные идеалисты, мечтатели, одержимые грезами» [6, с. 138–139].

Однако фантазийный (и фантастический) мир А. Н. Толстого – прямое следствие реалистического принятия действительности, только репрезентируемой в своеобразной форме [3]. Потому и советский критик П. Н. Медведев писал о неизменности общеполитической установки А. Н. Толстого «в соприкосновении с революционной современностью»: «Он (А. Н. Толстой. – Е. М.) по-прежнему остается реалистом по методу мировосприятия, оптимистом по жизнеощущению» [13, с. 56]. Реалистическое мировосприятие у писателя, склонного к фантазийному и собственно фантастическому, не содержит противоречия. А. Н. Толстой находится в поиске своего лица в новой литературе.

По собственному указанию писателя, в «берлинский период» были созданы: роман «Аэлита», повести «Черная пятница», «Убийство Антуана Риво» и «Рукопись, найденная под кроватью», доработаны «Детство Никиты» и «Хождение по мукам». По возвращении на родину написаны повести «Ибикус» и «Голубые города», с 1924 г. – целый ряд пьес, комедий и театральных переработок [19, т. 1, с. 59]. Столь широкий жанровый спектр демонстрирует поисковый вектор творческих наработок А. Н. Толстого. Г. Карпи, размышляя об путях развития русской литературы XX в., формулировал главный запрос эпохи – «определить алгоритм формирования новой советской культуры из остатков старой в сочетании с новыми факторами» [9, с. 8]. А. Н. Толстой выяснял интересы нового читателя, «массовика», который «с энтузиазмом и с жадностью читает все, что до него доходит» [цит. по: 9, с. 8]. Культурная элита с болезненными для нее вопросами будущности русской литературы, спорами о самой ее сути не актуальна в новой России: либо получает статус «реликта», либо оказывается в эмиграции. Традиции русской классики для массы либо незначимы, либо игнорируемы [10, с. 118]. Ре-эмигрант Толстой не просто вживается в новую среду, но и пытается строить новую культуру новой России. Об этом, в частности, его публицистические работы начала 1930-х гг.: «Луна, которую подменили трактором» (1931), «Советское искусство должно быть великим»

(1933); опосредованно – в интервью Б. Ресту «“Октябрьская революция дала мне все”. 25-летие литературной деятельности А. Н. Толстого» (1933).

«Наше искусство не может не быть великим и должно быть великим» [20, т. 10, с. 186] – утверждал А. Н. Толстой в 1933 г. По его убеждению, социалистический реализм, отталкиваясь от классических традиций и ломая их, стремится написать «историю нового человека в новой среде» [20, т. 10, с. 188]. Путь культурного развития один – искусство должно внедряться в современность [20, т. 10, с. 165–167], приближать будущее, в котором «машина заменит человека, и человек, освобожденный от физического труда, <...> сможет наконец наверстать все счастье жизни» [20, т. 10, с. 165]. Толстой видит развитие общества в неразрывной связи с технологическим прогрессом и сознает важность литературы в этом процессе. Он экспериментирует в сфере объединения науки, техники и искусства. Одним из плодов ранних экспериментов стала «Аэлита», воплотившая толстовскую концепцию научной фантастики. Ее истоки уходят в экзистенциальное осмысление современности [3]. Заметим: обращаясь к авантюрному сюжету (в этом и последующих художественных опытах), который, казалось бы, должен упрощать художественную картину мира, А. Н. Толстой находит возможность решать «ряд задач помимо развлекательной» [14, с. 72]. В целом следует констатировать, что Толстой видел в литературе «орудие борьбы пролетариата за мировую культуру» и заверял: «<...> Поскольку я могу, я даю свои силы этой борьбе» [20, т. 10, с. 185].

Литературные эксперименты А. Н. Толстого 1920-х гг. выглядят закономерными в историко-культурной ситуации деконструкции литературного языка, поскольку соблюдается ориентация на речевую среду нового читателя, и традиционной системы повествовательных жанров [9, с. 9]. Продолжался период масштабной смены художественных парадигм [15, с. 32–34], что неизбежно отражалось на жанровой системе. По замечанию Ю. Н. Тынянова (1924), «исчезло ощущение жанра», когда традиционные рассказ или повесть более не удовлетворяют запросов времени [22, с. 150]. Сам жанр фантастики, избранный А. Толстым, звучит остро-современно, даже остро-социально, но далеко не всегда поддерживается литераторами авторитетами: фантастика писателя неубедительна, не дотягивает до его таланта, в представлении И. А. Бунина, Ю. Н. Тынянова, К. И. Чуковского, В. Б. Шкловского. Ю. Н. Тынянов скептически отозвался об «Аэлите»: «Не стоит писать марсианских романов» [22, с. 156]. Нелицеприятной характеристики Тынянова – «желтая фантастика» – удостоился и роман «Гиперболоид инженера Гарина» [18].

Однако А. Н. Толстой стремился «быть внятными для многих». По словам Е. Д. Толстой, он «строил свою литературную нишу на грани келейной и массовой литературы, популяризируя элитные идеи в произведениях, в высшей степени читабельных <...>» [17]. На этом пути новацией А. Н. Толстого стало создание языка – «общепонятного, но способного рассказывать ярко и просто о сложном» [17]. А. Н. Толстой, по оценке Тынянова, – «прилежный и удачливый подмечатель сырых и лунных оттенков русской речи» [22, с. 155]. При этом трансформации подвергается весь мир художественного произведения. В литературе 1920-х гг. доминирует «живописный беспорядок» [24, с. 297]. Меняются стиль и сюжетное оформление (опора на «элементарный фабульный каркас» и фрагментарность развития сюжетных

линий [9, с. 9]), даже опорный хронотоп. Так, действие в ряде произведений А. Н. Толстого переносится на Марс, Луну, в просторы космоса вообще («Аэлита», «Союз пяти», «Гиперболоид инженера Гарина»).

Следует учитывать и важнейший фактор политизации культурной жизни государства, в результате которой литературные жанры вынуждены были приспосабливаться к новой общественно-политической системе, еще весьма нестабильной, находящейся на путях становления, что отмечал и О. Мандельштам в 1922 г., говоря о «смещении планов» [11, с. 275] в современном романе, и Ю. Тынянов в 1924 г. [22, с. 150]. «Бушующая на верхушке партии борьба за власть» [9, с. 11] инициирует резолюцию ЦК от 18 июня 1925 г., утвердившую право на «свободное соревнование различных группировок и течений» в области формы [цит. по: 9, с. 11]. Литературное движение 1926 г. хаотично. Но уже в годы Великого перелома и Первой пятилетки (1928–1932) литераторы централизованно (сверху) вовлечены в «строительство социализма». 1930-е годы будут протекать в русле сталинской культурной политики, ориентированной на устойчивую систему социалистических ценностей. Эмоционально-психологическое восприятие происходящих историко-социальных трансформаций окрашивается в мрачные краски пессимизма, прежде всего, для писателей непролетарского происхождения, которые искали пути сращения с массами, искали доступные народу литературные формы передачи грандиозного процесса создания нового государства, новой мировой расстановки сил. И если Ю. Олеша беспомощно констатировал: «Для пролетариата я не сделал ничего <...>» [цит. по: 9, с. 11], то А. Н. Толстой своими экспериментами последовательно и настойчиво утверждал для себя прочное место в новой советской литературе. Впрочем, путь этот не был гадоком. Тот же О. Мандельштам отмечал в 1922 г. все еще существовавшую неловкость писателя в его отношениях с реалиями эпохи: «А. Н. Толстой пишет свои романы на память и доводит их приблизительно до 1917 года, и дальше не знает, что делать» [11, с. 275]. А Ю. Н. Тынянов, обозревая состояние русской литературы на 1924 г., говорил о трудностях передачи современности в романном творчестве ряда писателей (В. Вересаева, С. Сергеева-Ценского, И. Эренбурга, В. Шишкова, Вс. Иванова), среди которых назван и А. Н. Толстой. Спасаясь от тупиковых направлений, иронизирует Ю. Н. Тынянов, эти авторы «ушли слишком далеко – не только на Запад, но и на Марс» [22, с. 153]. А. К. Воронский считал А. Н. Толстого представителем «реалистической школы классиков», которому трудно дается осмысление современности [6, с. 153]. Трудность перехода для Толстого к осознанию новой действительности отмечал и П. Н. Медведев, полагая, что жанровая мозаика того периода – попытки уловить закономерности современной реальности: «Жизнь, потерявшая закономерность, становится сама авантюрной, клубком противоречивых событий <...>. Отсюда – жанровая сумятица и ее авантюрно-детективный уклон» [13, с. XLIII].

Творчество А. Н. Толстого 1920-х–1930-х гг. отмечено и жанровыми явлениями, которые роднят его с русским зарубежьем – интерес к мемуарно-автобиографической прозе. (Впрочем, обращалась к ней и литература Советской России: О. Мандельштам («Шум времени»), Б. Пастернак («Охранная грамота»), А. Белый (мемуарная трилогия: «На рубеже столетий», «Начало века», «Между двух революций») и др.)

Еще в эмиграции А. Толстой создает беллетризованную автобиографию «Детство Никиты» (1920–1922) и «Необыкновенное приключение Никиты Рощина» (1921).

Цикл произведений о русской эмиграции, упомянутый выше, выполнен в том же русле мемуарной прозы и носит рубежный характер: эмиграция – ре-эмиграция (зарубежье – метрополия). Статус рубежа при этом нередко сатиричен (например, «Ибикус», «Эмигранты»). Повесть «В Париже» впервые опубликована в журнале «Современные записки» (Париж, <1921>) с эпиграфом: «О-хохо-хонюшки! / Скучно жить Афонюшке / На чужой сторонюшке» (Народная песня)» [20, т. 3, с. 591]. Повесть «На острове Халки» (1922) по содержанию близка к 3-й главе повести «Похождения Невзорова, или Ибикус». «Рукопись, найденная под кроватью» (1923 г.) – «наиболее из всех этих вещей значительная по тематике» [19, т. 1, с. 59], повествует об этапах падения белой эмиграции. Рассказ «Черная пятница» (1924) написан по материалам недавних лет жизни за границей. Повесть «Похождения Невзорова, или Ибикус» основана на личных наблюдениях периода 1918–1920 годов – в значительной степени субъективна, чем и объясняется странно-затуманенное сознание и скитальчество героя, авторская самоирония. Впрочем, и удивительная способность выживания героя: «непременно выцарапается из беды» [20, т. 3, с. 572], – отсылка к автохарактеристике. В частности, Н. В. Толстая-Крандиевская в воспоминаниях о А. Н. Толстом писала о «фотографической точности» описания переезда писателя с семьей на Украину из Москвы, перехода через пограничную линию близ Курска (конец главы 1) [19, т. 3, с. 707]. Обстоятельства личной жизни писателя легли в основу воссоздания морского пути из Одессы в Константинополь, периода карантина на острове Халки. Примечательно, что Е. Д. Толстая называет первой публикацию повести «Ибикус» в берлинском журнале «Сполохи» А. Дроздова в 1923 г., что подтверждает высказывание Г. П. Струве о позитивном восприятии произведения эмиграцией; в Советской России писатель издал ее как новую [18]. Отзывы на «Ибикус» разноречивы: Ю. Н. Тынянов окрестил «желтым авантюрным романом» [цит. по: 18]; К. И. Чуковский назвал одной из лучших повестей автора, где «чувствуешь на каждой странице силу его нутряного таланта» [цит. по: 18].

Об «Эмигрантах» («Черное золото» в первой редакции, 1931) А. Н. Толстой категорично высказался: «Факты этой повести исторически подлинны, вплоть до имен участников стокгольмских убийств» [20, т. 4, с. 455]. Но памфлетный характер повести вызвал негодование русского зарубежья. А. М. Зверев, очевидно, с позиции всей эмиграции, писал об «Эмигрантах» как о «пасквиле», состряпанном «красным графом» [8, с. 36]), выполнявшим социальный заказ власти [8, с. 38] и демонстрировавшим «полную преданность советскому режиму, обливая помоями его стойких противников» [8, с. 36].

Говоря о «вживании» А. Н. Толстого новый мир России необходимо учитывать психологический склад личности писателя. Ему был присущ оптимизм, который отмечали современники разных идеологических установок. Этот оптимизм сочетался со способностью перевоплощаться, играть, «надевать маску». Е. Толстая писала о «двойственности, иногда многозначности толстовской стратегии выживания» как о «доминантной черте» [17] характера своего деда: «Гр. Толстой расшифровывается для одних как граф, для других – как гражданин» [17]. «Толстой – человек

современного, прагматичного склада, обдуманно строивший свой публичный имидж и тонко угадывавший “литературный заказ” ближайшего будущего» [17]. Склонность к литературной «игре» точно выражена самим Толстым в словах, обращенных к жене Н. Крандиевской: «<...> Без фантастики скучно все же художнику, благоразумно как-то... Художник по природе – враль» [цит. по: 2]! Артистизм писателя уже в наше время оценил А. Н. Варламов, усмотрев его воплощение в Невзорове, одном «из самых удачных персонажей всей прозы Алексея Толстого»: «Именно эту переменчивость своего творца и отразил <...> герой “Ибикуса” граф Симеон Невзоров <...>» [5]!

Некую «бесшабашность» в характере А. Н. Толстого, неумную любовь к жизни со всеми полагающимися ей привилегиями и излишествами, хоть и несколько завуалированно, отмечал И. М. Машбиц-Веров: «Алексей Толстой всегда был оптимистом <...> Даже когда он с нескрываемой скорбью рисовал разрушавшиеся дворянские гнезда, экономически и морально опустившихся культурных помещиков <...>, даже тогда Ал. Толстой находил жизнь прекрасной и удивительной» [12]. Ю. И. Айхенвальд изумлялся: «<...> Талантливость? А у него она изо всех пор идет; буйный чертополох дарования как бы прет отовсюду, и обступает вас безудержная, бесшабашная, бессмысленная сила таланта» [1]. А. К. Воронский, создавая литературный портрет А. Н. Толстого, отмечал смелость писателя как представителя «прежнего дореволюционного поколения» в обращении к современной советской действительности [6, с. 131]. Здесь стоит вспомнить, что, по словам Ю. И. Айхенвальда, «в нашей беллетристике граф Толстой, это не кто иной, как барон Мюнгаузен»: «Наш русский барон, наш талантливый граф, живой кладезь остроумия и изобретательности, воплощение неограниченных возможностей, самый вздор преподнесет вам так, что вы не обидитесь, а будете только рады» [1].

Литературная действительность А. Н. Толстого теснейшим образом сопряжена с индивидуальным эмоциональным восприятием и переживанием жизненных реалий. «Мы были призраками, бродящими по великому городу, – характеризует А. Толстой русскую эмиграцию в Париже. – От этого постоянного столкновения воспаленной фантазии с реальностью <...> многие не выдерживали» [20, т. 10, с. 46]. Печать безумия лежит на русских («Эмигранты»), «пачками прибывающих в Париж»: «Более чем странно одетые, с одичавшими и рассеянными глазами, они толкались по парижским улицам <...> и все без исключения смахивали на сумасшедших» [20, т. 4, с. 467]. А Россия жила своей новой жизнью: «В Советской России революция продолжала победоносно разворачиваться, опрокидывая все планы версальских мудрецов и надежды эмигрантских комитетов» [20, т. 4, с. 722].

Даже учитывая тенденциозность «Эмигрантов», которую усматривали как русские эмигранты, так и исследователи культуры русского зарубежья [8, с. 36; 16, с. 82–83], очевидна искренность ностальгии писателя. И. М. Машбиц-Веров, хотя и анализировал в 1929 г. роман А. Н. Толстого «1918-й год» с официальной позиции советского литературоведения, отмечал мучительную тоску автора по «Великороссии», страдальческое желание возродить Россию из хаоса (правда, мировой) войны: «“Год назад народ без памяти бежал с фронта <...>, но в нем уже начали появляться внутренние силы сцепления <...>” (А. Н. Толстой)» [12].

И более считая неприемлемым иронизировать над «рабоче-крестьянским графом», критик отмечал: «За эту огромную “силу сцепления”, вновь из хаоса, из страшной опасности – “Россия – колония!” – создавшую мощную державу; за его сохранение “великой России” – Толстой и оправдывает, и благословляет даже Красную армию» [12]. Для критика, впрочем, очевидно, что для Толстого во главе угла все же была идея Великороссии: «Концепция Толстого – концепция отчетливо сменовеховская: Красная армия боролась не за “великую Россию”, а за СССР, и разница здесь вовсе не в одном названии. Разница колоссальная!» [12]

А. Толстому приходилось лавировать, искать свою нишу и в новом житейском мире, и в новой русской литературе. Далеко не всегда «балансирование на грани» было удачным [4, с. 76; 5; 17; 18; 19, т. 1, с. 59]. В переломные 1920-е гг. состояние писателя было смятенным. И лишь в 1930-е гг., как демонстрирует публицистика, к А. Н. Толстому вернулась уверенность.

ВЫВОДЫ

Если «русская литература в изгнании» создавалась по большей части писателями-изгнанниками, открыто отвергавшими Новую Россию в ее революционно-социалистических преобразованиях, жившими идеей возрождения былого величия России вне Отечества (например, посредством обращения к православию, как Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев), то для А. Н. Толстого идея воссоздания России вне России была неприемлема. В условиях, когда привычная Россия ушла в небытие, а будущность русского человека в эмиграции оказывалась более чем туманной, А. Н. Толстой выстраивал собственную модель поведения, литературную и жизненную программу на той основе, которая представлялась ему наиболее прочной – на русской почве. Жанрово-стилистические поиски А. Н. Толстого – прямое следствие, во-первых, пограничного существования между мирами эмиграции и Советской России, а во-вторых, стремления найти для себя литературную нишу в новой культуре России.

В основе деконструкции А. Н. Толстым мира художественного произведения, свойственного классической русской литературе, находится авторская личность, которая фокусирует спектр мировоззренческих установок и широкий психоэмоциональный диапазон субъективного мировосприятия. В итоге ведущее настроение – горькая самоирония, мир репрезентируется в памфлетно-сатирических тонах. Даже мемуарно-биографический жанр получает сатирическую окраску. Попытки писателя прозреть будущее России подталкивали его к модификации фантастического жанра, где реальность причудливым образом сопрягалась с миром научного прогноза и художественной мечты.

Список литературы

1. Айхенвальд Ю. Литературные эскизы // Балтийский Альманах. – 1924. – № 2. – С. 61–63. – Режим доступа: http://az.lib.ru/a/ajhenwalxd_j_i/text_0030.shtml. – (Дата обращения: 24.02.2023).
2. Б. а. А. Н. Толстой // Лаборатория Фантастики. – Режим доступа: <https://fantlab.ru/autor532>. – (Дата обращения: 25.02.2023).

3. *Баранская Е. М.* Фантастика А. Н. Толстого: современность или бегство от нее? // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2021. – Т. 7 (73). – № 4. – С. 3–19.
4. *Бороздина П. А.* А. Н. Толстой в современном прочтении: полемические заметки // Берегиня. 777. Сова. – 2013. – С. 69–97. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/a-n-tolstoy-v-sovremennom-prochtenii-polemicheskie-zametki>. – (Дата обращения: 24.02.2023).
5. *Варламов А. Н.* Алексей Толстой. – 2-е изд. – М.: Молодая гвардия, 2008. – 591. – Режим доступа: <https://coollib.com/b/567513-aleksey-nikolaevich-varlamov-aleksey-tolstoy/read>. – (Дата обращения: 24.02.2023).
6. *Воронский А. К.* Алексей Толстой (Журавли над Гнилопятами) // А. Воронский. Литературные портреты. В 2-х т. – Т. 1. – М.: Федерация, 1928. – С. 128–155.
7. *Зайцев П.* Алексей Варламов: Изначально Алексей Толстой был мне несимпатичен. – Режим доступа: <https://rg.ru/2007/10/31/varlamov.html>. – (Дата обращения: 25.02.2023).
8. *Зверев А. М.* Повседневная жизнь русского литературного Парижа. 1920–1940. – 2-е изд. – М.: Молодая гвардия, 2011. – 371 с.
9. *Карпи Г.* К истории русской литературы XX века. Межвоенное время // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2019. – Т. 78. – № 1. – С. 5–19.
10. *Леденёв А. В.* Литература первой волны эмиграции: основные тенденции литературного процесса // Русское зарубежье: история и современность: Сб. ст. – М., 2013. – Вып. 2. – С. 116–136.
11. *Мандельштам О. Э.* Конец романа // Собрание сочинений: В 4-х т. – Т. 2: Стихотворения. Проза. 1921–1929 / Сост. и коммент. П. Нерлера и А. Никитаева. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993. – С. 271–275.
12. *Машибиц-Верев И.* Восемнадцатый год. О романе Алексея Толстого // Литературная газета. – 1929. – № 8. – Режим доступа: http://az.lib.ru/t/tolstoj_a_n/text_1929_18_god.shtml. – (Дата обращения: 24.02.2023).
13. *Медведев П.* Алексей Н. Толстой. Критический очерк // Толстой А. Н. Собрание сочинений / Вступ. ст. П. Н. Медведева. – М.-Л.: Гос. издательство, Типография Печатный двор, 1929. – Т. 1: Четыре века. Рассказы, сказки, стихи. – С. V–LVIII.
14. *Орехов В. В., Чжан М.* «Вокруг света на “Коршуне”»: «взрослая» повесть для детей // Ученые записки Крымского федерального университета. Филологические науки. – 2019. – Т. 5 (71). – № 2. – С. 67–93.
15. *Орехова, Л. А.* Образ автора и поэтика жанра: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01; 10.01.08. – Симферополь, 1992. – 328 с.
16. *Струве Г. П.* Русская литература в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы: Краткий биографический словарь русского Зарубежья. – 3-е изд., испр. и доп. – Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 1996. – 448 с.
17. *Толстая Е. Д.* «Деготь или мед»: Алексей Толстой как неизвестный писатель. 1917–1923. – М.: РГГУ, 2006. – 684 с. – Режим доступа: https://helenadtolstoy.com/tar_and_honey. – (Дата обращения: 24.02.2023).
18. *Толстая Е. Д.* Ключи счастья: Алексей Толстой и литературный Петербург. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 535 с. – Режим доступа: <https://helenadtolstoy.com/keys>. – (Дата обращения: 24.02.2023).
19. *Толстой А. Н.* Собрание сочинений: В 10-ти т. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958–1961.
20. *Толстой А. Н.* Собрание сочинений: В 10-ти т. – М.: Художественная литература, 1981–1986.
21. *Толстой А.* Хождение по мукам / Изд. подгот. Г. Н. Воронцова. – М.: Наука, 2012. – 478 с.
22. *Тынянов Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. – 576 с.

23. Ходасевич В. Литература в изгнании // Ходасевич В. Избранная проза / Предисловие и примечания Н. Берберовой. – New York: Russica Publishers, Inc., 1982. – С. 210–224.
24. Щеглов Ю. К. Проза. Поэзия. Поэтика: Избранные работы. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 576 с.

References

1. Aikhenval'd Yu. *Literaturnye eskizy* [Literary sketches]. *Baltiiskii Al'manakh*, 1924, no. 2, pp. 61–63. Available from: http://az.lib.ru/a/ajhenwalxd_j_i/text_0030.shtml (accessed 24 February 2023).
2. В. а. А. N. Tolstoi [A. N. Tolstoy]. Available from: <https://fantlab.ru/autor532> (accessed 25 February 2023).
3. Baranskaya E. M. *Fantastika A. N. Tolstogo: sovremennost' ili begstvo ot nee?* [A. N. Tolstoy's fiction: modernity or flight from it?]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2021, Vol. 7 (73), no. 4, pp. 3–19.
4. Borozdina P. A. A. N. Tolstoi v sovremennom prochtenii: polemicheskie zametki [A. N. Tolstoy in modern reading: polemical notes]. *Bereginya. 777. Sova*, 2013, pp. 69–97. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/a-n-tolstoy-v-sovremennom-prochtenii-polemicheskie-zametki> (accessed 24 February 2023).
5. Varlamov A. N. *Aleksei Tolstoi* [Alexey Tolstoy]. 2nd ed. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 2008. 591p. Available from: <https://coollib.com/b/567513-aleksey-nikolaevich-varlamov-aleksey-tolstoy/read> (accessed 24 February 2023).
6. Voronskii A. K. *Aleksei Tolstoi (Zhuravli nad Gnilopyatami)* [Alexey Tolstoy (Cranes over the Gnilopyat)]. A. Voronskii. *Literaturnye portrety. V 2-kh t.* Vol. 1. Moscow: Federatsiya Publ., 1928, pp. 128–155.
7. Zaitsev P. *Aleksei Varlamov: Iznachal'no Aleksei Tolstoi byl mne nesimpatichen* [Alexey Varlamov: Initially, Alexei Tolstoy was unsympathetic to me]. Available from: <https://rg.ru/2007/10/31/varlamov.html> (accessed 25 February 2023).
8. Zverev A. M. *Povsednevnyaya zhizn' russkogo literaturnogo Parizha. 1920–1940* [Daily life of Russian literary Paris. 1920–1940]. 2nd ed. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 2011. 371 p.
9. Karpi G. *K istorii russkoi literatury KhKh veka. Mezhoennoe vremya* [On the history of Russian literature of the twentieth century. Interwar time]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, 2019, vol. 78, no. 1, pp. 5–19.
10. Ledenev A. V. *Literatura pervoi volny emigratsii: osnovnye tendentsii literaturnogo protsessa* [Literature of the first wave of emigration: main trends in the literary process]. *Russkoe zarubezh'e: istoriya i sovremennost': Sb. st.* Moscow, 2013, issue 2, pp. 116–136.
11. Mandel'shtam O. E. *Konets romana* [End of the novel]. *Mandel'shtam O. E. Sobranie Sochinenij: V 4-h t.* [Mandelstam O. E. Collected Works: In 4 vols.]. Vol. 2: *Stikhotvoreniya. Proza. 1921–1929* [Poems. Prose. 1921–1929]. Comp. and comment. P. Nerler and A. Nikitaev. Moscow: Art-Biznes-Tsentr Publ., 1993, pp. 271–275.
12. Mashbits-Verov I. *Vosemnadsyati god. O romane Alekseya Tolstogo* [Eighteenth year. About the novel by Alexei Tolstoy]. *Literaturnaya gazeta*, 1929, no. 8. Available from: http://az.lib.ru/t/tolstoj_a_n/text_1929_18_god.shtml (accessed 24 February 2023).
13. Medvedev P. *Aleksei N. Tolstoi. Kriticheskii ocherk* [Alexey N. Tolstoy. Critical essay]. *Tolstoi A. N. Sobranie sochinenii* [Tolstoy A. N. Complete works]. Entry. Art. P. N. Medvedev. Moscow-Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, Tipografiya Pечатnyi dvor Publ., 1929. Vol. 1: *Chetyre veka. Rasskazy, skazki, stikhi*, pp. V–LVIII.
14. Orekhov V. V., Chzhan M. «Vokrug Sveta na “Korshune”»: «Vzroselaya» Povest' dlya Detei [«Around the World on the “Kite”»: «Adult» Story for Children]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta. Filologicheskie Nauki*, 2019, vol. 5 (71), no. 2, pp. 67–93.

15. Orekhova L. A. *Obraz Avtora i Poetika Zhanra: Dis. ... D-Ra Filol. Nauk* [The Image of the Author and Poetics of the Genre. Thesis]. Simferopol, 1992. 328 p.
16. Struve G. P. *Russkaya literatura v izgnanii: Opyt istoricheskogo obzora zarubezhnoi literatury: Kratkii biograficheskii slovar' russkogo Zarubezh'ya* [Russian literature in exile: Experience of a historical review of foreign literature: A brief biographical dictionary of Russian Abroad]. 3rd Ed., Rev. and Add. Paris: YMCA-Press Publ.; Moscow: Russkii Put' Publ., 1996. 448 p.
17. Tolstaya E. D. «Degot' ili med»: *Aleksei Tolstoi kak neizvestnyi pisatel'. 1917–1923* [«Tar or honey»: Alexei Tolstoy as an unknown writer. 1917–1923]. Moscow: RGGU Publ., 2006. 684 p. Available from: [https://helenadtolstoy.com/tar_and_honey_\(accessed_24_February_2023\)](https://helenadtolstoy.com/tar_and_honey_(accessed_24_February_2023)).
18. Tolstaya E. D. *Klyuchi schast'ya: Aleksei Tolstoi i literaturnyi Peterburg* [Keys of happiness: Alexei Tolstoy and literary Petersburg]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2013. 535 p. Available from: [https://helenadtolstoy.com/keys_\(accessed_24_February_2023\)](https://helenadtolstoy.com/keys_(accessed_24_February_2023)).
19. Tolstoi A. N. *Sobranie sochinenii: V 10-ti t.* [Collected Works: In 10 vols.]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1958–1961.
20. Tolstoi A. N. *Sobranie sochinenii: V 10-ti t.* [Collected Works: In 10 vols.]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1981–1986.
21. Tolstoi A. N. *Hozhdenie po mukam* [Walking through the torment] Ed. prepared by G. N. Vorontsova. Moscow: Nauka Publ., 2012. 478 p.
22. Tynyanov Yu. N. *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. History of literature. Movie]. Moscow: Nauka Publ., 1977. 576 p.
23. Khodasevich V. *Literatura v izgnanii* [Literature in exile]. *Khodasevich V. Izbrannaya proza* [Khodasevich V. Selected prose]. New York, Russica Publishers Inc., 1982, pp. 210–224.
24. Shcheglov Yu. K. *Proza. Poeziya. Poetika: Izbrannye raboty* [Prose. Poetry. Poetics: Selected Works]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012. 576 p.

SEARCH VECTOR OF A. N. TOLSTOY'S CREATIVE EXPERIMENTS IN THE PERIOD OF RE-EMIGRATION

E. M. Baranskaya

The article examines the originality of the artistic picture of the world of A. N. Tolstoy during the period of re-emigration. An attempt is made to trace the nature of the literary experiments of A. N. Tolstoy in the 1920s-1930s, which organically entered the historical and cultural situation of creating a new art in Soviet Russia. Attention is focused on the process of deconstruction of the system of narrative genres and literary language, characteristic of the pre-revolutionary period of classical Russian literature. The genre and style fluidity inherent in the creative innovations of A. N. Tolstoy is noted: the worlds of dreamers and science fiction writers appear («Aelita», 1923; «Hyperboloid of Engineer Garin», 1926); adventurers («Union of Five», 1924; «Adventures of Nevzorov, or Ibikus», 1924); machines and people («Riot of Machines», 1924); Paradoxically, the real world is connected with the dream. The question of A. N. Tolstoy's rethinking of memoirs and biographical genres (a cycle about Russian emigration) is raised, which acquire a bitter satirical coloring. In the creative searches of A. N. Tolstoy, the existential comprehension of modernity in the conditions of borderline existence in the 1920s becomes decisive. between the Russian diaspora and Soviet Russia; installation on creative getting used to the Soviet society and active building of a new culture of Russia. The research involves the journalistic works of A. N. Tolstoy, contemporary criticism and periodicals.

Keywords: A.N. Tolstoy, Russian diaspora, Soviet Russia, emigration, re-emigration, creative innovations.